

91(062)(51.2)

ИЗВѢСТІЯ
ВОСТОЧНО-СИБІРСКАГО ОТДѢЛА
ІМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО
ГЕОГРАФІЧЕСКОГО СОВІЩЕСТВА,

подъ редакцію правителя дѣль.

ТОМЪ XXI.

№ 3.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.		Стр.	
A. Обручевъ. Геологическая изданий въ Прокутской губ. 1889 г. (съ картою) . . .	1	Найдки полковника Беля отъ Некина до Кашгара	58
Витковскій. Замѣтки къ во- о байкальской нерпѣ.	33	Г. Потанинъ. Бурятскія называнія растеній	64
Яковлевъ. Къ ихтиофаунѣ рѣ	49	Приложение: Отчетъ о дея- тельности Отдѣла въ 1889 г.	1

й Отдѣла открытъ по воскресеньямъ съ 11 ч. у. до 2 ч. пополуд.
ютина Отдѣла открыта по средаѣ вечеромъ съ $5\frac{1}{2}$ ч. до 9

Прокутскъ.

Типографія К. І. Витковской.

1890.

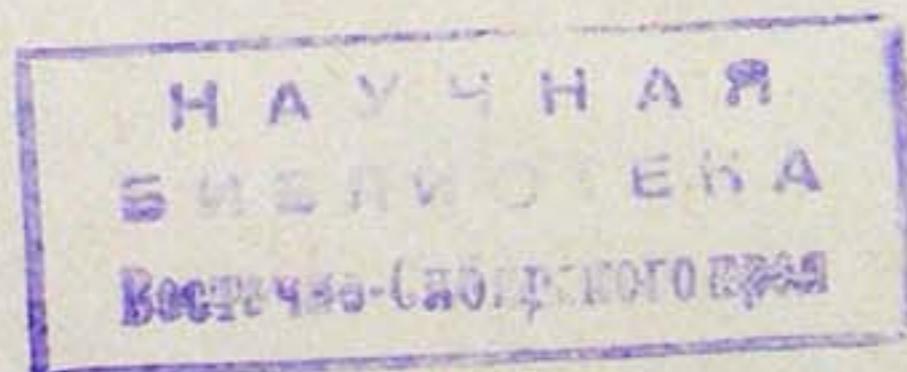
Замѣтки къ вопросу о байкальской нерпѣ.*)

Фактъ нахожденія нерпѣ въ Байкалѣ еще со временъ Палласа составляетъ трудно разрѣшимую загадку. Всѣ попытки объяснить, какимъ путемъ нерпа попала въ это озеро, оказались неудовлетворительными. Сходство байкальской нерпы съ живущею въ сѣверныхъ открытыхъ моряхъ на столько велико, что иѣкоторые изслѣдователи находили возможнымъ считать ту и другую принадлежащими къ одному виду. И только весьма тщательное изслѣдованіе характеристическихъ признаковъ этого животнаго привело доктора Дыбовскаго къ заключенію, что наша нерпа составляетъ особый видъ, которому онъ и далъ название *байкальскій*—*Phoca baicalensis*. Этимъ-же ученымъ была собрана впервые и довольно большая коллекція скелетовъ и шкуръ названного животнаго и записано не мало фактовъ, касающихся образа его жизни. Часть этой коллекціи находилась въ старомъ музѣѣ Отдѣла, гдѣ и сгорѣла со всѣмъ остальнымъ въ 1879 г. Въ новый музей послѣ того было доставлено только одно чучело нерпы, убитой близъ острова Ольхона.

Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, т. е. чтобы пріобрѣсти для музея хотя одинъ скелетъ этого интереснаго животнаго, Предсѣдателемъ нашего Отдѣла было предложено мнѣ весною прошлаго года сѣзжити въ селеніе Лиственичное, гдѣ я, кромѣ того, долженъ былъ по спопутности собрать и кое-какія распросныя свѣденія для дополненія данныхъ, сообщенныхъ о нерпѣ г. Дыбовскимъ.

Въ настоящей замѣткѣ я сообщу результаты этой поѣздки, причемъ считаю нужнымъ сказать, что собранный мною матеріалъ очень скученъ и что онъ скорѣе можетъ служить подтвержденіемъ,

*) Читано въ засѣданіи отдѣленія математической и физической географіи 23 марта 1890 г.

чѣмъ дополненіемъ наблюдений прежнихъ изслѣдователей. Что касается скелетовъ, то таковыхъ мнѣ удалось добыть 6 штукъ со шкурами. Распросная свѣденія собраны мною частью отъ нерповщиковъ сел. Лиственичнаго, частью отъ голоустенскихъ и кударинскихъ бурятъ, встрѣченныхъ мною случайно и, наконецъ, проѣрены показаніями култуksкихъ охотниковъ, а также и показаніями опытнаго звѣролова, тунгуса Николая, проживающаго при устьѣ рч. Пыловки, въ 25 верстахъ отъ с. Лиственичнаго, по направлению къ Култуку.

Въ село Лиственичное прибылъ я вмѣстѣ съ г. Птицынымъ 27-го марта. Здѣсь мы узнали, что прїѣхали несвоевременно, что ледъ на Байкалѣ покрытъ еще толстымъ слоемъ снѣга и что, поэтому, обѣ охоты на нерпѣ никто и не думаетъ. На слѣдующій день мы отправились къ упомянутому выше тунгусу, въ зимовью котораго тоже не нашли ни одного нерповщика и узнали только, что нерпа начнетъ выходить на ледъ не ранѣе, какъ черезъ полмѣсяца. Такимъ образомъ намъ пришлось возвратиться ни съ чѣмъ и ожидать телеграммы, которую мы просили послать изъ Лиственичнаго, когда начнется охота. Телеграмма эта была получена 11-го апрѣля, а 13-го мы были снова въ зимовью гостепріимнаго тунгуса, гдѣ застали около десятка култуchanъ и нѣсколько голоустенскихъ бурятъ. Шли оживленныя приготовленія къ выходу въ море, ожидали только благопріятной «ведренной» погоды.

Добыча нерпѣ на Байкалѣ зими производится двоякимъ способомъ: или съ ружьемъ, или съ помощью сѣтей. Послѣдній способъ практикуется преимущественно кударинскими бурятами, у которыхъ для этой цѣли имѣются особо дрессированныя собаки. Способъ этотъ довольно подробно описанъ Дыбовскимъ и кударинскій бурята, говорившій плохо по-русски, не умѣлъ сказать мнѣ ничего нового по этому вопросу. Охота съ ружьемъ совершается въ общемъ, по всему Байкалу, слѣдующимъ образомъ. Когда на озерѣ исчезнетъ снѣгъ, когда, какъ говорять, «море посинѣеть», охотники берутъ

съ собою запасъ пищи, дровъ, посуды для жира и проч. и везутъ все это или на своихъ охотничихъ санкахъ, или, что бываетъ чаше, на лошадяхъ къ облюбованному мѣсту, гдѣ и устраиваютъ общий таборъ. Затѣмъ каждый изъ нихъ идетъ особнякомъ высматривать «звѣря», который въ теплый солнечный день вылѣзаетъ на край продухи спать. Завидя чернѣющее вдали пятно, охотникъ «настораживаетъ» санки и начинаетъ «скрадывать». Санки нерповщика имѣютъ въ длину около $1\frac{1}{2}$ аршинъ, въ ширину около 12 вершковъ и снабжены бѣлымъ коленкоровымъ парусомъ, укрепленнымъ на подвижной рамѣ. Въ парусѣ два отверстія — верхнее для наблюденій, нижнее для стрѣльбы. Когда санки насторожены, охотникъ надѣваетъ кожанные, шерстью вверхъ, наколѣнники, такія же рукавицы, становится позади санокъ и, согнувшись, толкаетъ ихъ предъ собою, причемъ парусъ стоитъ почти подъ прямымъ угломъ. По мѣрѣ приближенія парусъ съ помощью «кривульки» постепенно наклоняется назадъ и охотникъ ползетъ уже на колѣньяхъ. Говорятъ, что къ молодой нерпѣ можно такимъ образомъ подойти шаговъ на 60, старую же приходится стрѣлять не ближе 100 шаговъ и то при условіи мѣтить въ голову или подъ лопатки, чтобы убить на повалъ, иначе она, раненная даже смертельно, бросается въ продуху и въ большинствѣ случаевъ ныряетъ. Старый самецъ, называемый «сѣкачомъ», не убитый на мѣстѣ, всегда уходитъ отъ охотника, самка-же «матка», раненная, всплываетъ иногда на верхъ и ее удается вытащить небольшимъ багромъ, составляющимъ необходимую принадлежность охотничихъ саней. Охотники, не употребляющіе въ пищу нерпичьяго мяса, убивши нерпу, снимаютъ съ нея тутъ же шкуру вмѣстѣ съ жиромъ, а тушку бросаютъ; тѣ-же изъ нихъ, которые не брезгуютъ этимъ мясомъ, доставляютъ убитую нерпу цѣликомъ въ таборъ, гдѣ и совершаются «свѣжеваніе», т. е. сниманіе шкуры, потрошениѳ и приготовленіе лакомаго ужина.

Здѣсь я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ частномъ случаѣ охоты, въ которомъ мнѣ пришлось принимать нѣкоторое

участіе. Выходить «въ море» на промыселъ можно только въ ясный, безвѣтренный день, какихъ, какъ говорятъ, весною на Байкалъ бываетъ не очень много. Выше было сказано, что во второй разъ мы прїехали къ тунгусу 11-го апрѣля. На слѣдующій день утро было прекрасное, солнце свѣтило ярко, весь склонъ горъ, обращенный къ югу, былъ густо покрытъ цвѣтующимъ пострѣломъ—*Pulsatilla patens*, но «море» было покрыто какъ-бы дымкой, противоположнаго берега не было видно и всѣ примѣты тунгуса предвѣщали скорую перемѣну погоды; и дѣйствительно, часовъ около 11-ти изъ-за горъ налетѣли густые облака, поднялся вѣтеръ, громадными хлопьями повалилъ снѣгъ; черезъ часъ снова показалось солнце, затѣмъ опять вѣтеръ, опять тучи, снѣгъ и такъ продолжалось до глубокой ночи. 13-го апрѣля повторилось тоже, но къ вечеру вѣтеръ стихъ, небо прояснилось и всѣ охотники, по совѣту тунгуса, стали готовиться выѣзжать утромъ рано на охоту.

Чтобы обеспечить себѣ пріобрѣтеніе скелетовъ, я предложилъ охотникамъ продать мнѣ всю добычу, т. е. шкуры и кости отъ всѣхъ нерпъ, которыхъ они убываютъ на слѣдующій день; цѣна была предложена сравнительно высокая—по 2 руб. за экземпляръ. Полное согласіе изъявилиъ только одинъ охотникъ, отставной солдатъ, остальные отнеслись къ предложенію съ какимъ-то страннымъ молчаніемъ. Молчаніе это впослѣдствіи объяснилось.

Тунгусъ Николай въ глазахъ нерповщиковъ былъ очень авторитетною личностью; къ нему почти всѣ обращались съ вопросами и онъ умѣлъ каждому посовѣтовать, куда комуѣхъ торосяхъ больше разсчета на успѣхъ, умѣлъ и ружье «наладить», и парусъ «путемъ натянуть» и т. д.

Ружья у всѣхъ встрѣченныхъ нами нерповщиковъ, за исключеніемъ упомянутаго выше култукскаго отставнаго солдата, обладавшаго берданкой, были самыя заурядныя малопульные винтовки, кремневыя или передѣланныя въ пистонныя и въ большинствѣ случаевъ привязанныя къ ложѣ ремешками. Почти каждую изъ такихъ

винтовокъ долженъ быть осмотрѣть «дядя Николай» и въ случаѣ надобности исправить. Интересно было видѣть, какъ онъ, уступая просьбѣ друга, бралъ съ важностью такую винтовку въ руки, осматривалъ ее, прицѣливался, затѣмъ разбиралъ и, осмотрѣвъ просвѣтъ ствола, начиналъ «править» его, т. е. ударять имъ со всего размаха о лежавшую тутъ-же сухую колоду. Совершивъ пѣсколько разъ такую процедуру со стволовъ, онъ складывалъ винтовку и, смазавъ ее клюкомъ пакли, смоченной въ какомъ-то таинственномъ жирѣ, отдавалъ владѣльцу со словами: «ну, теперь стрѣляй!» Послѣ этого начиналась пальба въ цѣль. Усовершенствованныя ружья не пользуются популярностью и поэтому обладатель берданки и мой сотоварищъ Вл. В. Птицынъ со своей двустволкой служили все время мишенью для остротъ, не рѣдко весьма Ѣдкихъ, со стороны винтовщиковъ.

На другой день, часовъ около 8 утра, всѣ охотники, закрывъ глаза кто консервами, кто волосяной сѣткой, а кто просто кусочками синяго оконнаго стекла, вшитыми въ кожанныя рамочки, расмѣстились въ нѣсколькихъ запряженныхъ кошевкахъ и, захвативъ съ собою дровъ, чайники и другія принадлежности, отправились отъ зимовья по различнымъ направленіямъ «въ море». Мы поѣхали съ тунгусомъ. Свѣтъ, отражаемый безпредѣльной ледяной поверхностью, былъ такъ силенъ, что безъ консервовъ, какъ говорили, дѣйствительно можно было потерять глаза въ одинъ день. Первые торосы показались верстахъ въ трехъ отъ берега. Здѣсь нерпа встрѣчается очень рѣдко, развѣ какая «заблудящая», поэтому тутъ никто и не останавливается, всѣ спѣшатъ дальше, къ слѣдующимъ торосамъ, верстахъ въ 10ти отъ берега. Отсюда лошади отправляются съ мальчиками обратно къ зимовью и имъ назначается мѣсто, куда прїѣхать вечеромъ. Затѣмъ охотники, таща за собою санки, расходятся по «нажимамъ». Нажимы — это громадные, не рѣдко въ сажень вышиною, валы изъ льдинъ, нагроможденныхъ одна на другую и образующихъ не рѣдко очень большіе навѣсы. По разсказамъ, валы эти

образуются во время морестава и тянутся по направлению осеннихъ щелей. Здѣсь любимое мѣстопребываніе нерпъ.

Нашъ тунгусъ не отпраивалъ своей лошади къ зимовью и поэтому намъ пришлось совершать путешествіе по торосамъ въ кошевкѣ. На одномъ изъ торосовъ мы опрокинулись и ружье тунгуса, попавъ замкомъ въ мокрый снѣгъ, оказалось не годнымъ къ дѣлу; оставалась единственная надежда на двустволку г. Птицына. Искусство отыскиванія нерпъ, какъ сказано выше, состоитъ въ томъ, чтобы зорко слѣдить вокругъ себя, не покажется-ли гдѣ-нибудь на бѣломъ фонѣ черное пятно. Неопытный очень часто впадаетъ въ ошибку, такъ какъ льдины, обращенные ребромъ къ зрителю подъ известнымъ угломъ, производятъ не рѣдко впечатлѣніе чего-то чернаго, лежащаго на поверхности льда. Не разъ и наши наблюденія вызывали лукавую улыбку на лицѣ тунгуса. Но наконецъ на полянкѣ, окруженнѣй высокими торосами, показалось что-то несомнѣнно чернѣющее. Тунгусъ привсталъ, пристально посмотрѣлъ и энергично направилъ лошадь на замѣченный пунктъ. Чѣмъ ближе мы подѣжали, тѣмъ явственнѣе было, что мы имѣемъ дѣло съ цѣлымъ стадомъ нерпъ, расположенныхъ вѣнчикомъ около продушины. Не доѣзжая шаговъ 250, лошадь была остановлена. Тунгусъ съ видимой досадой взглянулъ на свое бездѣйствующее ружье. Началось скрадываніе. Я остался при лошади. Тунгусъ руководилъ движеніями г. Птицына. Сначала шли слегка согнувшись, далѣе ползли на колѣняхъ, затѣмъ на животѣ. Нерпы спокойно оставались на мѣстѣ. Наконецъ выстрѣль и онъ моментально исчезли. При осмотрѣ продушины мы нашли немного крови. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ на разстояніи 80 шаговъ. Усовершенствованному ружью было, такимъ образомъ, нанесено новое посрамленіе. Поѣздивши послѣ этой неудачи еще некоторое время по торосамъ и, не встрѣтивъ ничего, мы направились къ зимовью съ пустыми руками.

Не многимъ удачнѣе былъ въ этотъ день промыселъ и другихъ охотниковъ—только двое изъ нихъ упромыслили по одной нерпѣ.

Счастливцы эти возвратились уже въ сумерки и добычу свою втащили безъ свидѣтелей въ баню. Прѣздъ ихъ произвелъ между прибывшими ранѣе нѣкоторое движеніе и шушуканіе, но никто не говорилъ, какова добыча. Только жена тунгуса, угощенная передъ тѣмъ двумя рюмками водки, сообщила намъ въ полголоса, что «двоимъ Богъ далъ по одной». Когда мы, получивъ такое извѣстіе, попытались было пойти въ баню, чтобы осмотрѣть и измѣрить добытые экземпляры, то тунгусъ, приглашенный «свѣжевать», категорически отсовѣтовалъ намъ дѣлать это. По его мнѣнію нась туда и не пустили-бы, такъ какъ у охотниковъ не принято показывать постороннимъ свою добычу. Пообѣщавъ достать намъ кости и шкуры, онъ еще разъ сказалъ, что если мы будемъ настаивать на своемъ, то совершимъ нѣчто въ родѣ дерзкаго неприличія. Пришлось согласиться.

На слѣдующее утро завтракъ въ зимовъ состоялъ изъ темнобагроваго мяса убитыхъ наканунѣ нерпъ. Къ трапезѣ были приглашены и пѣкоторые изъ неудачниковъ; получилъ порцію также и мой спутникъ, пожелавшій отвѣдать блюдо и нашедшій его вкуснымъ. Бвшіе восторгались вкусомъ нерпичьей грудной желѣзы и мозга и усердно обгладывали нужныя мнѣ кости; о шкурахъ не было и помину. Тунгуска, получившая въ подарокъ голову нерпы, согласилась, подъ большимъ впрочемъ секретомъ даже отъ своего мужа, передать мнѣ черепъ, что и было ею исполнено. Когда при завтракѣ я возбудилъ вопросъ, почему охотники находять невозможнымъ показывать свою добычу постороннимъ лицамъ и не желаютъ продавать ни къ чему не нужныя имъ кости нерпъ и дешевыея сравнительно шкуры по выгодной цѣнѣ, то получилъ приблизительно слѣдующій отвѣтъ: «Хотя мы люди и темные, но не настолько-же глупы, чтобы за какие нибудь 2—3 рубля продавать свой «фартъ»; никто не знать, что кому Богомъ назначено, и извѣстно, что глазъ у человѣка бываетъ всякий; позарившись на нѣсколько рублей, можно по-пуству прошляться по морю все время, а никто себѣ не врагъ». Иначе

этотъ отвѣтъ можно-бы выразить такъ: если нерповщикъ, при соблюденіи всѣхъ установившихся правилъ охотничьаго ритуала, и не добудеть ничего, то таковъ значить его «фартъ», онъ тутъ ни причемъ; нарушившій-же добровольно эти правила, долженъ принять на себя и всѣ проистекающіе отъ сего послѣдствія, т. е. нести материальные убытки и быть посмѣшищемъ въ глазахъ товарищей. «Впрочемъ, заключилъ со злой улыбкой говорившій за многихъ, у васъ вѣдь свое ружье дорогое, да и солдатъ продасть вамъ всю свою добычу; у него вѣдь ружье тоже новое, онъ всѣхъ нерпъ перестрѣляетъ, намъ, пожалуй, ничего и не останется.» А между тѣмъ солдатъ съ берданкой, желая, вѣроятно, сохранить за собою въ нашихъ глазахъ репутацію передоваго человѣка и не идти въ разрѣзъ со взглядомъ большинства своихъ односельчанъ, утромъ чуть свѣтъ запрегъ свою лошаденку и переселился въ пещеру подъ утесъ, verstахъ въ 2-хъ отъ «зимовья», и мы его больше не видали.

Такимъ образомъ и вторая наша поѣздка на рч. Пыловку окончилась вполнѣ не удачно. Слѣдующій день былъ опять ненастный и мы должны были уѣхать. Упомянутые выше скелеты и шкуры нерпъ я получилъ уже въ маѣ мѣсяцѣ отъ листвениченскихъ нерповщиковъ и то благодаря лишь любезному содѣйствію моего знакомаго г. Гедговта.

Теперь я перейду къ сообщенію тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя мнѣ удалось собрать относительно образа жизни нерпъ. Животное это распространяется по всему Байкалу, но, повидимому, далеко не равномѣрно. Одною изъ главнѣйшихъ причинъ этой неравномѣрности слѣдуетъ, какъ кажется, считать рельефъ дна озера. Всѣ показанія охотниковъ да и прежнія наблюденія сводятся къ тому, что нерпа избѣгаєтъ мелей и избираетъ для постоянного пребыванія какъ лѣтомъ, такъ и зимой самыя глубокія мѣста. Глубина озера въ нерпичьей продушины, изслѣдованной Дыбовскимъ и Годлевскимъ, равнялась 850 метрамъ. По наблюденіямъ нерповщиковъ на Байкалѣ находятся такія мѣста, гдѣ нерпа зимою никогда не

встрѣчается — это мели; есть и такія, гдѣ зимою она появляется очень рѣдко; существуютъ, наконецъ, известные раіоны, гдѣ она ежегодно держится въ большомъ количествѣ и куда весною привлекаетъ охотниковъ со всѣхъ окрестныхъ селеній. Сколько такихъ раіоновъ на Байкалѣ, какъ они велики, сколько на нихъ ежегодно добывается нерпъ — узнать отъ немногихъ, къ тому-же, какъ сказано выше, очень суевѣрныхъ людей было, конечно, не возможно. Лѣтнихъ при-tonovъ, гдѣ нерпы собираются, какъ говорить «тыщами», опрошенные охотники знаютъ только два — и утверждаютъ, что больше и нѣть — это утесь «Колокольный», лежащий на западномъ берегу, между селеніями Лиственичнымъ и Култукомъ, почти на половинѣ разстоянія, и Ушканы острова, находящіеся у сѣверной оконечности Святаго носа. Въ томъ и другомъ мѣстѣ озеро очень глубоко. По наблюденіямъ г. Дыбовскаго нерпа постоянно держится одного мѣста, не эмигрируетъ, по разсказамъ-же охотниковъ она къ концу іюня со всего Байкала собирается къ названнымъ двумъ пунктамъ, гдѣ только и можно видѣть ее, вылѣзающею на берегъ и камни. Правильной охоты вблизи Колокольнаго мыса лѣтомъ не производится, развѣ только случайно забредшій звѣровщикъ убеть здѣсь двѣ-три нерпы; на Ушканьихъ-же островахъ, по разсказамъ, мѣстные охотники бываютъ много звѣря прямо «стягами». Скопленіе нерпъ на названныхъ двухъ логовищахъ начинается, какъ сказано выше, въ концѣ іюня и продолжается весь юль мѣсяцъ, хотя небольшія стада встрѣчаются здѣсь въ августѣ и даже въ сентябрѣ. По всему Байкалу какъ на срединѣ, такъ и у береговъ лѣтомъ почти везде можно встрѣтить одиночные экземпляры нерпъ. «Выставить изъ воды голову и плыветъ будто утка», говорятъ рыболовы. На ангарскихъ рыбныхъ промыслахъ животное попадаетъ иногда въ неводъ. У Дыбовскаго и Георги записано нѣсколько случаевъ выхода нерпъ изъ озера въ рѣки Ангару, Селенгу и Баргузинъ, но нерповщики такихъ примѣровъ не знаютъ.

На вопросъ, въ какое время, гдѣ и при какихъ условіяхъ появляются на свѣтъ молодые нерпята, «щенки», какъ ихъ называютъ,

охотники не многое умѣютъ разсказать. Съ вопросомъ этимъ связанъ другой, крайне интересный вопросъ о такъ называемыхъ нерпичихъ продушинахъ. Толщина льда на Байкалѣ достигаетъ 12—20 вершковъ. Спрашивается, какимъ образомъ нерпа, животное совершенно безоружное, можетъ пробить такую толщу? Въ литературныхъ источникахъ прежнихъ лѣтъ встречаются указанія, что нерпы для этой цѣли пользуются готовыми продушинами, образующимися надъ теплыми ключами. Такъ напр. Зябловскій въ своемъ «Землеописаніи Российской Имперіи» (V—85) говоритъ, что байкальскіе «тулени расходятся зимою по быстрымъ рѣчкамъ или по теплымъ берегамъ или ключамъ, *полынью надъ собою имѣющимъ* и въ мартѣ или апрѣль выходятъ на ледъ гулять и сидѣть на солнцѣ.» Но такой взглядъ опровергается изслѣдованіями Дыбовскаго, не нашедшаго въ нерпичихъ продушинахъ никакой разницы въ температурѣ воды по сравненію съ другими мѣстами, а равно и наблюденіями охотниковъ. Георги думалъ, что онъ «выдыхаютъ» себѣ продушины (*«sie blasen und brechen sich eigene Löcher im Eise»*). Такого же мнѣнія и опрошенные мною охотники. Они убѣждены, что нерпы «выдуваютъ» себѣ продушины на самыхъ глубокихъ мѣстахъ, въ осеннихъ нажимахъ, гдѣ одна льдина подымается высоко надъ другой, образуя родъ навѣса, и что работу эту они начинаютъ тотчасъ послѣ морестава. «Только море замерзло, глядишь и продушины уже у нихъ готовы, не даютъ льду затолстѣть», говорятъ охотники. Отверстія эти заносятся толстымъ сугробомъ снѣга, нижняя поверхность котораго сначала подтаиваетъ отъ дыханія нерпъ, затѣмъ обледенѣваетъ и такимъ образомъ надъ продухой получается довольно устойчивый сводъ, по которому, говорятъ, «можноѣхать хоть на тройкѣ.» Подъ этимъ-то сугробомъ «матка» выдыхаетъ себѣ сначала коридорчикъ отъ продушины, длиною около 1 аршина, а затѣмъ и логовище, диаметромъ аршина въ два, гдѣ совершаются роды. Продушина съ такимъ логовищемъ называется «гнѣздовою». Кромѣ этой главной имѣются еще продушины самцовъ «сѣкачей», а также и небольшія «духовыя

поры», служащія для дыханія; не рѣдко ихъ бываетъ по 5—9 въ обѣ стороны отъ главной. Продушина самки достигаетъ иногда 1 сажени въ діаметрѣ, у самца она не болѣе 1 аршина, духовыя еще меньше. Изъ трехъ видѣнныхъ мною продушинъ только одна, при которой былъ сдѣланъ нашъ неудачный выстрѣлъ, была діаметромъ около двухъ аршинъ, остальная двѣ меньше аршина; всѣ онъ имѣли кругловатую форму и гладкіе округленные края, что происходило, вѣроятно, отъ частаго вылѣзанія нерпъ.

Относительно времени когда щенятся нерпы, у охотниковъ нѣть прямыхъ наблюдений. Основываясь на фактахъ, во 1-хъ, что въ случайно открытыхъ логовищахъ матокъ въ первой половинѣ февраля дѣтенышъ никто никогда не находилъ, во-2-хъ, что молодые, убитые въ апрѣль, достигаютъ уже пудового вѣса, они полагаютъ, что процессъ этотъ совершается въ концѣ февраля или въ началѣ марта. Беременность нерпъ, по ихъ мнѣнію, продолжается девять мѣсяцевъ, такъ какъ время течки они пріурочиваются къ вышеупомянутымъ лѣтнимъ сбирающимъ. Въ трупахъ самокъ, убитыхъ около половины августа, находили не разъ зародыши около 3-хъ вершковъ длиною, въ убитыхъ-же около 10 сентября щенки достигали уже 5-вершковой длины.

По Гиббелю у *Phoca anellata* Nils., съ которою Радде отождествлялъ байкальскую нерпу, гонка совершается въ сентябрѣ, роды-же въ мартѣ или апрѣль. Дѣтенышъ у байкальской нерпы по Георги бываетъ отъ 1 до 3-хъ, по разсказамъ-же нерповщиковъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ два, хотя не рѣдко и одинъ. Вышеупомянутый тунгусъ разсказывалъ мнѣ, что ему приходилось наблюдать трехъ и четырехъ щенковъ при одной маткѣ, но онъ не думаетъ, чтобы всѣ они принадлежали ей; самъ крайне чадолюбивый человѣкъ, онъ полагалъ, что и нерпы изъ состраданія даютъ пріютъ и пищу осиротѣвшимъ по какой-либо причинѣ щенкамъ. Прочие охотники не признаютъ однако за нерпой такихъ нѣжностей; напротивъ, имъ приходилось наблюдать, что въ виду опасности матка

первая бросается въ воду и не обнаруживаетъ особеннаго беспокойства даже въ томъ случаѣ, если одинъ изъ дѣтенышъ бываетъ убить. Случаевъ, чтобы матка защищала какимъ-нибудь образомъ своихъ дѣтей, охотники тоже не знаютъ. Кударинцы разсказываютъ, что родители никогда не дѣлаютъ попытокъ освободить своихъ, запутавшихся въ сѣти, щенковъ. Если нерпа, лежа съ дѣтьми на краю продушины, замѣтитъ приближающагося охотника, то быстро бросается въ воду, куда за ней скатываются и щенки. Охотникъ подбѣгаеть въ это время ближе къ продушины и ложится за парусомъ. Молодые скоро выходятъ снова на ледъ, матка-же заставляетъ себя ждать очень долго. Сначала она подойдетъ къ продушии, начинаетъ «пыхтѣть» подъ водою, затѣмъ выставить рыло въ духовую нору и мычить «какъ быкъ»; если при этомъ она опять замѣтитъ охоника, то онъ ее больше уже не увидитъ, хотя бы дѣти все время оставались на льду. Относительно нѣкоторыхъ видовъ нерпъ известно, что онъ держатся постоянно семьями или парами; у байкальской—мѣстные охотники не наблюдали этого. Они говорятъ, что нерпа встрѣчается и въ одиночку, и небольшими стадами—молодая и старая вмѣстѣ, иногда много молодыхъ при одномъ «сѣкачѣ» или «маткѣ», иногда на оборотъ.

Щенки байкальской нерпы рождаются покрытыми длинной, около 2 вершковъ, совершенно бѣлой, курчавой шерстью; сколько времени они пребываютъ въ такой одеждѣ, охотники достовѣрно не знаютъ, но они убѣждены, что перемѣнивъ разъ въ жизни эту шерсть на короткую свѣтлосѣрую, лоснящуюся, нерпа никогда больше не линяетъ и что съ возрастомъ у нея только окраска шерсти дѣлается нѣсколько темнѣе и волосъ грубѣе. Нерпъ иного цвѣта, кроме сѣраго съ его оттенками, не знаютъ ни нерновщики, ни прежніе изслѣдователи; только одинъ Мартосъ въ своихъ «Письмахъ о Сибири» говоритъ, почему-то, что байкальская нерпа бѣлаго цвѣта съ пятнами.

Въ пищевыхъ органахъ молодыхъ щенковъ не находить ничего, кроме очень густаго, совершенно бѣлаго молока, которое тщательно

собирается охотниками-скорняками, такъ какъ считается необходимымъ материаломъ при выдѣлкѣ шкуръ тѣхъ-же нерпъ. Желудокъ и кишкы взрослыхъ особей наполнены всегда зелено-желтоватою жидкостью — «тиною», какъ говорятъ охотники, и ни какихъ остатковъ рыбъ или другихъ животныхъ въ нихъ не находили. Всѣ полагаютъ, что тина эта есть ничто иное, какъ переваренная «ледянка» т. е. голомянка, которой нерпа исключительно и питается. Миѣніе это не основано на какихъ-нибудь точныхъ наблюденіяхъ — «пахнетъ ледянкой, также жирна, какъ ледянка, значитъ ледянкой и питается», вотъ и основаніе. Что омуль не служить пищею байкальской нерпѣ, въ этомъ сходятся показанія какъ нерповщиковъ, такъ и рыболововъ.

У Блазіуса находимъ свѣденія относительно другаго вида нерпы, а именно *Phoca vitulina* такого рода, что она очень легко приручается, что прирученная обнаруживаетъ трогательную привязанность къ своему хозяину, всюду слѣдуетъ за нимъ, ловить для него лучшіе экземпляры рыбъ и очень долго можетъ находиться въ своей сферѣ, т. е. воды. Съ байкальской нерпой никто, конечно, опытовъ приученія не дѣлалъ. Помнится, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ два экземпляра, пойманные въ неводѣ кажется въ Ангарскѣ, были показываемы въ Иркутскѣ въ кадкѣ съ водою, какъ заморскія животныя; видѣвшіе ихъ находили, что онѣ очень злы. Байкальскіе нерповщики самую идею приученія своей нерпы считаютъ смѣшною, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, этотъ «водяной звѣрь» безъ воды не можетъ жить и часу; безъ воздуха запутавшіеся съ сѣти живутъ иногда и по нѣсколько дней.

Что касается величины нерпѣ, то о ней путемъ распросовъ трудно было получить болѣе-менѣе точныя свѣдѣнія, потому что никто изъ промышленниковъ не обращаетъ особенного вниманія на длину и толщину нерпы, а лишь на вѣсъ полученнаго отъ нея жира. По Георги байкальская нерпа достигаетъ въ длину до 6 футовъ, вѣсъ жира одной особи до 3 пудовъ; по Радде наибольшая нерпа равна $1\frac{1}{2}$ арш. и вѣсъ ея жира 3 — $3\frac{1}{2}$ пуда. Нѣкоторые изъ

нерповщиковъ говорятъ, что наибольшіе видѣнныи ими экземпляры достигали въ длину 2 аршинъ при вѣсѣ въ 14, даже 20 пудовъ, но такія показанія имѣютъ мало вѣроятности; большинство утверждаетъ, что длина самой крупной нерпы не превосходитъ $\frac{7}{4}$ аршина и вѣсъ жира 5—6 пудовъ; средняя же старая нерпа бываетъ длиною $1\frac{1}{2}$ аршина и вѣсъ жира ея 4—5 пудовъ. Каково отношеніе вѣса жира къ вѣсу остальныхъ частей туши—костей, мяса, внутренностей и шкуры, мнѣ не удалось узнать; не могъ я также собрать точныхъ данныхъ и относительно виѣшняго различія между самцомъ и самкой. Говорятъ, что отличить издалека «сѣкача» отъ «матки» можно только потому, что послѣдняя, имѣющая всегда больше жира, выглядитъ толще, полнѣе, самецъ-же «лежитъ на льду, какъ мѣшокъ». Слой жира, одѣвающій «матку», достигаетъ въ апрѣль 4 вершковъ въ толщину, у самцовъ онъ не бываетъ толще 2—3 вершковъ. Нерпы лѣтняго и осенняго убоя, по разсказамъ, даютъ жиру значительно меньше, чѣмъ убитыя въ апрѣль.

Во времена Георги нерпичій промыселъ сдавался въ аренду; кто былъ въ то время владѣльцемъ этой статьи дохода — авторъ не упоминаетъ. Онъ говоритъ только, что арендаторъ давалъ весною русскимъ охотникамъ на 10 нерпъ по 3 фунта пороху и по 6 фунтовъ свинцу, инородцамъ по тому-же разсчету — 1 фунтъ пороху и 2 ф. свинцу и затѣмъ лѣтомъ отправлялся по зимовьямъ собирать добычу. Десятый звѣрь засчитывался въ возмѣщеніе стоимости пороха и свинца, а за девять остальныхъ охотники получали отъ патрона по 54 коп. за штуку и по 50 коп. за пудъ жира. Ежегодная добыча, по словамъ Георги, не превышала 2000 штукъ. Въ настоящее время промыселъ этотъ не оплачивается ни какимъ сборомъ — всякий и каждый можетъ охотиться, гдѣ и когда ему угодно. Есть правда предприниматели, которые нанимаютъ артель охотниковъ и высылаютъ въ какую-либо мѣстность на промыселъ, но въ той-же мѣстности могутъ охотиться и другие и права хозяина артели распространяются лишь на упромышленного его людьми звѣря. При

полномъ отсутствіи какихъ-бы то ни было правилъ, нормирующихъ время и порядокъ охоты на нерпъ, при полномъ отсутствіи какого-бы-то ни было контроля и при поголовномъ суевѣріи нерповщиковъ, скрывающихъ даже другъ передъ другомъ свою добычу, нечего конечно и думать о возможности получить точныя данныя о количествѣ убиваемыхъ ежегодно животныхъ. Проѣзжая минувшимъ лѣтомъ чрезъ сел. Култукъ, я спрашивалъ знакомыхъ, встрѣченныхъ у тунгуса охотниковъ, сколько имъ удалось добыть нерпъ весною, и получилъ отвѣтъ: «сорокъ штукъ». Если принять во вниманіе, что кулучане въ свое время дали и Радде точно такую-же цифру, можно усомниться въ ея точности. По общему мнѣнію какъ охотниковъ, такъ и прибрежныхъ жителей число нерпъ въ Байкалѣ съ каждымъ годомъ уменьшается, а число лицъ, занимающихся добычею ихъ, увеличивается. Нерпичій промыселъ представляетъ довольно выгодную статью. Георги было известно, что мясо нерпъ въ его время потреблялось только бурятами и воронами; теперь-же, какъ сказано выше, и многие изъ русскихъ охотниковъ не только не пренебрегаютъ имъ, а напротивъ, считаютъ очень лакомымъ кускомъ. Жиръ, употреблявшійся прежде преимущественно для кожевенного дѣла, нынѣ составляетъ и видный пищевой продуктъ и почти весь, добытый кулучанами, сбывается тункинскимъ обитателямъ—бурятамъ и русскимъ—по высокой сравнительно цѣнѣ 20—25 коп. за фунтъ. Скупщики жира для иркутскихъ кожевенныхъ заводовъ платятъ охотникамъ отъ 5 рублей до 5 руб. 50 коп. за пудъ топленаго жира, отъ 50 до 80 коп. за шкуру молодой особи и отъ 20 до 50 за шкуру старой. Весенняя охота на нерпъ, по разсказамъ, продолжается около двухъ недѣль, и самый «нефартовый» охотникъ добываетъ въ это время 3—4 нерпы. Если принять за норму, что онъ добудетъ только три среднихъ нерпы, то отъ нихъ онъ получить, кроме мяса, которымъ будетъ питаться самъ, продажныхъ продуктовъ: жира сырца, считая только по 3 пуда,—9 пудовъ, изъ коихъ топленаго будетъ 6 п. 30 ф. (не растопляющихся тканей остается обыкновено

новенно $\frac{1}{4}$ вѣса), на сумму около 34 руб., да три шкуры по 50 коп.—1 руб. 50 коп., всего 35 руб. 50 коп. или по 2 руб. 53 коп. въ день при готовомъ мясе—доходъ какъ для крестьянина, къ тому-же въ пустое осенне время, весьма почтенный. Не удивительно, поэтому, что число охотниковъ ежегодно ростетъ.

Процедура топленія жира, повидимому, не измѣнилась со временемъ Георги. Онъ снимается съ нерны вмѣстѣ со шкурой, затѣмъ, отдѣленный отъ нея, складывается въ кадку съ рѣшетчатымъ дномъ и выставляется на солнце, гдѣ очень скоро растапливается и стекаетъ въ подставленную посуду. Предназначенный для пищи, онъ подвергается еще очисткѣ, состоящей въ томъ, что прокипяченный сильно на огнѣ, онъ выливается въ холодную воду. Подвергнутый двукратной очисткѣ жиръ этотъ, по словамъ употреблявшихъ его, не уступаетъ любому скотскому маслу.

Н. Витковскій.
